

Англійскій путешественникъ въ Россіи

и

его мнѣніе о русскомъ обществѣ.

(1826 и 1827 г.г.)

26-го октября 1826 года прибылъ въ Оренбургъ, въ сопровожденіи своего слуги, англичанинъ Ричардъ Сандерсонъ и очень удивилъ полиціймейстера своимъ поведеніемъ: двое сутокъ не выходилъ изъ повозки, потомъ перемѣстился въ комнату, въ которую входъ всѣмъ, не исключая и слуги его, былъ воспрещенъ; занимался онъ постоянно письмомъ и черченіемъ, употребляя при этомъ циркуль; окна комнаты всегда наполовину были закрыты салфетками.

Всѣ эти странности привели начальника мѣстной полиціи къ заключенію, что «онъ можетъ быть человекъ подозрительный и неблагонамѣренный для Россіи». Поѣздки же Сандерсона по окрестностямъ города и въ Илецкую Защиту еще болѣе укрѣпили подозрѣніе полиціймейстера, и онъ счелъ нужнымъ о странномъ пріѣзжемъ довести до свѣдѣнія военнаго губернатора П. К. Эссена, а послѣдній сообщилъ въ Петербургъ. Изъ третьяго отдѣленія Собственной его величества канцеляріи предписано было установить надзоръ надъ Сандерсономъ.

Между тѣмъ одно изъ писемъ Сандерсона къ матери изъ Оренбурга было перлюстрировано, и въ немъ оказалась слѣдующая характеристика русскаго общества того времени:

«Здѣшніе жители не понимаютъ, какъ наши барыни въ Англіи могутъ проводить время столь однообразно въ кругу своихъ семействъ и во весь годъ не посѣщаютъ публичныхъ зрѣлищъ. При такомъ образѣ мыслей мнѣ едва-ли нужно вамъ сказать, что невѣрность, а вмѣстѣ съ оною домашнее несогласіе бываютъ весьма обыкновенны.

«Въ семь государствъ большой недостатокъ въ нравственныхъ правилахъ и весьма мало чувства истинной религіи. Что касается до низшихъ званій, то они болѣе наблюдаютъ обряды, нежели самую религію, а высшія сословія, презирая оные обряды и смѣшивая ихъ съ самою религіею, не радѣютъ ни о нихъ, ни о вѣрѣ.

«Здѣсь каждая вещь болѣе или менѣе имѣетъ одинъ наружный блескъ или личину. Гостепріимство очень часто происходитъ отъ тщеславія, а мнимая пріязнь—изъ какихъ-нибудь корыстолюбивыхъ видовъ. Если кто съ вами здѣсь обращается съ необыкновеннымъ вниманіемъ и ласкою, то это почти непремѣнный знакъ, что онъ подъ конецъ васъ хочетъ вовлечь въ какую-нибудь дурную шутку. Я знаю, что сей приговоръ строгъ, но путешественникъ, наблюдатель міра, и въ семь качествъ имѣетъ право замѣчать погрѣшности народовъ. Я не желаю тѣмъ сказать, чтобы не было исключенія. Думаю, что я самъ на себѣ испыталъ оное, пользовавшись въ разныхъ случаяхъ крайне лестнымъ пріемомъ въ Россіи, особенно въ семь городѣ, и я надѣюсь, что все сіе происходило изъ самыхъ чистыхъ видовъ; однако, съ другой стороны, истина побуждаетъ сказать, что со мною иногда встрѣчалось совсѣмъ противное.

«Русскіе весьма походятъ на французовъ. Они примутъ васъ съ отверстыми объятіями при первой встрѣчѣ и наговорятъ вамъ тысячу учтивостей, однако, дружба ихъ, которую гораздо легче пріобрѣсти, нежели нашу, не столь прочна и надежна.

«Русскіе большую имѣютъ страсть къ игрѣ, музыкѣ и танцамъ. Одаренный сими тремя совершенствами (если первая можетъ назваться таковымъ) и знающій при томъ два или три языка, почитается человѣкомъ съ воспитаніемъ и въ обществѣ скорѣе можетъ играть роль, нежели, когда бъ его голова была запасена всевозможными познаніями; однако теперь, кажется, начинаетъ появляться совсѣмъ другой образъ мыслей.

«Русское общество исполнено интригъ и происковъ; почти невозможно избѣгнуть клеветы. Доселѣ я не находилъ двухъ человѣкъ, которые бы хорошо говорили одинъ о другомъ. Не имѣя нашей откровенности и рѣшительности въ характерѣ, они втайнѣ питаютъ свою злобу и въ публикѣ вамъ льстятъ, пока неожиданный случай не сниметъ съ нихъ личину. Въ своихъ привѣтствіяхъ и наружной ласкѣ они щедры, не наблюдая однако той тонкости въ обращеніи, каковою дорожатъ, чтобы не оскорбить чувства или предубѣжденія другихъ людей. Здѣсь въ обществѣ часто дѣлаютъ вопросы особеннаго рода, которые бы у насъ почли крайне дерзкими, и мнѣ нерѣдко случалось слышать въ самомъ лучшемъ обществѣ, что одинъ изъ господъ упрекалъ барыню во лжи. Признаюсь, что однажды было сіе сказано въ шутку, а можетъ быть, что выраженіе сіе на французскомъ языкѣ не такъ оскорбительно,

какъ на нашемъ, однако, не взирая на такое извиненіе, у насъ крайне непріятно слышать кому бы то ни было такое или подобныя отзвымы, которые болѣе или менѣе сопряжены съ худыми послѣдствіями.

«Въ наилучшемъ кругу мужчины курятъ табакъ въ обществѣ дамъ и плюютъ на полъ или на коверъ, куда ни попало и безъ малѣйшаго уваженія; но какое мы имѣемъ право осуждать мужчинъ, если женскій полъ самъ подаетъ къ тому примѣръ?»

«Въ русскихъ домахъ вы едва услышите, чтобы въ обществѣ разсуждали о религіи, политикѣ и другихъ важныхъ предметахъ. Мужчины либо угождаютъ дамамъ, или играютъ въ карты, биллиардъ и т. д.

«Русскіе слишкомъ пристрастны къ праздникамъ, отправляемымъ въ честь святыхъ, коихъ они имѣютъ нѣсколько сотенъ. Въ такіе дни они наряжаются въ самыя лучшія платья, утромъ ходятъ по церквамъ, а послѣ обѣда толпою собираются въ какомъ-нибудь публичномъ саду или въ рошѣ, а вечеръ оканчиваютъ обильнымъ жертвоприношеніемъ Бахусу. Говоря вообще, гораздо легче переимѣнить теченіе рѣки, нежели заставить русскаго работать въ такіе дни.

«Женщины здѣсь предаются болѣе пьянству, ежели къ тому имѣютъ случай, нежели мужчины, особливо въ церковные праздники.

«Вы легко изъ того можете заключить, что работа и промышленность народная много отъ сего претерпѣваютъ, ежели при томъ разсудить, что треть года состоитъ изъ такихъ церковныхъ праздниковъ и что на другой день, послѣ такой неводержанности, человѣкъ большею частью не способенъ исправлять всегдашнюю свою обязанность.

«Русскіе большіе охотники до музыки и вообще въ ней отличаются, когда ею прилежно занимаются. Нѣкоторые изъ національныхъ русскихъ пѣсенъ превосходныя и большею частью унылыя, подобно шотландскимъ или ирландскимъ.

«Одинъ изъ адъютантовъ губернатора мастерски играетъ на скрипкѣ; онъ и еще два другихъ разыгрывали моцартовы и гайдновы квартеты, такъ какъ и другія новѣйшія сочиненія не хуже самыхъ лучшихъ виртуозовъ. Назадъ тому два или три столѣтія кто-бы могъ сего ожидать въ азіатскихъ и татарскихъ степяхъ».

Высказанныя Сандерсономъ замѣчанія относительно русскихъ звывали еще болѣе строгій за нимъ надзоръ со стороны мѣстныхъ властей.

Оренбургское общество сначала приняло Сандерсона, какъ путешественника, весьма радушно, но вскорѣ увидѣло, что человѣкъ этотъ не стоитъ того вниманія, которое ему оказывали. Кромѣ разныхъ его странностей, замѣчено было, что онъ имѣлъ величайшую склонность къ горячимъ напиткамъ, что стало особенно бросаться въ глаза въ 1827 году. Такъ въ августѣ этого года, въ то время, когда большинство горожанъ было въ рошѣ за р. Ураломъ, Сандерсонъ, тоже тамъ находившійся,

настолько усердно послужилъ Бахусу, что завелъ со своимъ слугой драку, дошедшую до полицейскаго разбирательства; дѣло кончилось тѣмъ, что Сандерсонъ заплатилъ избитому слугѣ 500 рублей.

Послѣ такого скандала Сандерсонъ началъ подумывать объ отъѣздѣ изъ Оренбурга и даже выхлопоталъ два билета на проѣздъ до Москвы, но выѣзжать медлилъ, такъ какъ въ это время у него началась переписка съ живущимъ въ Персіи мирзою Сіемли. Узнавъ объ этихъ сношеніяхъ, наше правительство поручило оренбургскому военному губернатору выслать Сандерсона изъ Россіи.

21-го ноября 1827 года Сандерсонъ выѣхалъ изъ Оренбурга въ сопровожденіи хорунжаго Сильнова и 19-го декабря въ Раздвинловѣ былъ выпровожденъ въ Австрію.

Сообщилъ И. С. Шукшинцевъ.

